

PATRICK
HATCHISON

CABIN

*Off the Grid Adventures
with a Clueless Craftsman*

St. Martin's Press,
New York, 2024

ПАТРИК
ХАТЧИСОН

ХИЖИНА

*Как я сколотил себе
новую жизнь*

Перевод с английского
Анны Мышковой

Individuum,
Москва, 2026

УДК 821.111(73)-94

ББК 63.3(7)6-8

X25

Хатчисон, Патрик.

X25 Хижина. Как я сколотил себе новую жизнь / Патрик Хатчисон ; [пер. с англ. А. Мышковской]. — М.: Individuum, Эксмо, 2026. — 272 с.: ил.

ISBN 978-5-04-227096-3

В свои двадцать пять Патрик Хатчисон хотел покорять мир, но вместо этого писал рекламные тексты про сантехнику и боролся с постоянным ощущением тоски и бессмысленности. Выход нашелся неожиданно: он купил хижину в горах на северо-западе США, чтобы жить на природе и заниматься ручным трудом. При этом Патрик не имел никаких плотницких навыков, а его новое жилье могло похвастаться разве что дырявой крышей, кривыми полами и армией пауков. За шесть лет, полных абсурдных ошибок и героических побед, Патрик не только сменил офисное кресло на строительные перчатки, но и научился радоваться мелочам: когда дверь закрывается без пинка, бензопила заводится с первого раза, а носки остаются сухими. «Хижина» — честный и уморительно смешной рассказ о том, что для великого приключения нужны лишь самоирония, надежные друзья и немного решимости.

УДК 821.111(73)-94

ББК 63.3(7)6-8

© Patrick Hutchison, 2024

This edition is published by arrangement
with Chase Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

© А. Мышковская, перевод с английского, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-227096-3

Individuum®

Оглавление

1.	<i>Нашел!</i>	9
2.	<i>Сказано — сделано</i>	23
3.	<i>Треск, визг, стук</i>	27
4.	<i>Рабочая сходка</i>	33
5.	<i>Хижина-шимжина</i>	45
6.	<i>Очаг мой благ</i>	55
7.	<i>Дело — труба</i>	65
8.	<i>Рэй</i>	71
9.	<i>Угнезвился</i>	82
10.	<i>Дрова-дровишки, поленья-полешки</i>	86
11.	<i>Залог комфорта</i>	94
12.	<i>Дожди, дожди...</i>	104
13.	<i>Грязища</i>	113
14.	<i>Ни капли терпения</i>	125
15.	<i>Кухня (часть первая)</i>	137
16.	<i>Кухня (часть вторая)</i>	149
17.	<i>Крис</i>	160
18.	<i>Тревога цвета амбры</i>	169
19.	<i>Бочки угара</i>	177
20.	<i>Великие ступени</i>	186
21.	<i>Терапия</i>	193
22.	<i>Майк</i>	205

23.	<i>Прощай, гниль</i>	217
24.	<i>Доверие к деревьям</i>	226
25.	<i>Последние дни крыши</i>	235
26.	<i>Срыв покровов</i>	241
27.	<i>Пушка</i>	255
28.	<i>Доброе прощание</i>	261
	<i>Благодарности</i>	267

*Посвящается всем, кто когда-либо бывал в крохотной хижине
в тупичке Надежды. Благодаря вам существуют
и та хижина, и эта книга.*

Я купил хижину у парня с сайта объявлений за семь с половиной тысяч долларов. Он был капитаном буксира. Его звали Тони.

И вот почему*.

Мне было двадцать пять или вроде того — самое время пережить кризис четверти жизни (если это, конечно, был он). Люди, окружавшие меня, те, кого я считал друзьями, пошли вразнос и вытворяли страшное: строили карьеру, иногда даже научную, обзаводились мужьями, женами, детьми, собаками и прочими атрибутами достойной жизни. Они разбирались в том, что такое ПФР, ФСС и СФР, или, по крайней мере, догадывались, что о таких вещах стоит начать беспокоиться уже сейчас. Ну а я — я был уверен, что наш уговор как-нибудь пережить годы в колледже (или годы вместо колледжа) и провести вместе всю оставшуюся жизнь, поедая пиццу за просмотром «Симпсонов», все еще в силе. Отличный план, которому никто не последовал. Жаль, запасного у меня не было.

* Почему я купил хижину, а не почему Тони был капитаном буксира или почему его звали Тони. Полагаю, ему нравилось водить на буксире суда, а его родителям нравилось имя, которое они дали сыну, — кто знает? Разве что сам Тони.

Я жил в Сиэтле и пытался стать писателем. Не работало. Я поступил в колледж. Маячила идея стать врачом, но вместо этого я набрал курсов по истории и антропологии. Сложно представить себе направление, которое решительнее, чем это, топчет карьерные перспективы выпускников. После колледжа я путешествовал: провел полгода в Патагонии, потом месяц в Колумбии. Я редко задерживался где-то дольше, чем на год. Перебивался случайными заработками: разливал пиво, развозил сэндвичи, рассекал на фургончике с суши. Все эти скитания вкупе с гуманитарным дипломом привели к тому, что я загорелся идеей стать гонзо-журналистом, писать о своих странствиях по миру. Чем-то вроде Хантера С. Томпсона, Пола Теру и Энтони Бурдена*, да. Я уже представлял, как на моих глазах самые отбитые персонажи ввязываются в самые безумные истории, лишь бы добавить романтики моим непредсказуемым будням. Оказалось, правда, что заработать на этом непросто. Редакторы, которых я бомбардировал заметками, не проявляли ни капли интереса. Работа была случайной. Оплата — ужасной. Действительность стала постоянной изматывающей битвой без надежды на победу.

Постепенно я отказался от мечты о писательстве — нужно было чем-то оплачивать жилье, страховку и еду, которую не приходится разводить кипятком. Я перестал гоняться за неоплачиваемыми стажировками в крутых журналах и акулой нырнул в океан холодных продаж. Спустя годы после окончания колледжа я, собиравшийся исходить землю,

* Хантер С. Томпсон — американский журналист и писатель, основатель жанра гонзо-журналистики, совмещающего репортаж и личное переживания автора. Пол Теру — американский писатель и путешественник, автор известных путевых очерков и романов. Энтони Бурден — шеф-повар, писатель и телеведущий, прославившийся документальными шоу о еде и путешествиях. — *Прим. ред.*

рассказывая истории о восхитительных безумцах, обнаружил себя в офисном кресле — сочиняющим рассылки с рекламой сантехники, в раздумьях, как же я дошел до жизни такой.

Я старался скрывать от окружающих, насколько я растерян: ни цели, ни смысла, сплошное разочарование, как будто во мне что-то угасло. Казалось, все вокруг контролируют ситуацию, держат туз в рукаве, ловят выгоду, планируют на пять, десять лет вперед и дальше. Мой горизонт планирования ограничивался тем, как скоро испортятся остатки китайской еды в холодильнике.

Поначалу я, правда, пытался с этим разобраться, искал цель, чтобы броситься к ней очертя голову. То ли я искал не там, то ли рвения не хватило, но ничего не вышло. Все, что я знал, — это что каждая неделя, каждый месяц, каждый год этой бессмысленной возни делают все только хуже.

Со временем поиск себя выродился в стремление хотя бы создать видимость, что у меня все под контролем: раз не удалось излечиться, купирую симптомы. Нужно было отвлечься на какое-нибудь занятие, создать иллюзию, которую можно поддерживать, пока я не разберусь, какого лешего тут делаю.

Разумеется, существуют общепринятые эталонные достижения, которыми можно прикрыться: научная степень, брак, дети, армия... вроде того. Идея вернуться в колледж вызывала во мне ужас, что сразу ставило крест на смене карьеры. Чтобы жениться, нужна хорошая компания, чтобы завести ребенка — к сожалению, тоже. В армии, кажется, по-прежнему требовалось бегать строем — так что, пожалуй, нет.

Девушка, с которой я тогда встречался, однажды заявила, что собирается купить дом. Учитывая, что к тому моменту моей самой ответственной покупкой был DVD-плеер со скидкой, я не был готов поддержать разговор. Ее осведомленность в подобных делах заставила меня задуматься, почему она вообще со мной встречается.

Я тогда мало что смыслил в сделках с недвижимостью, и мысли о них меня будоражили. Все эти звонки, просмотры, переписки и всякие банковские штуки... Каждый этап процедуры казался до ужаса важным. Вдруг до меня дошло, что покупка дома могла бы стать решением. Две недели кряду я отвечал каждому, кто готов был спрашивать, как мои дела, что «я подумываю купить дом», и балдел от этого, но радость была недолгой. Оказалось, что хоть я и могу позволить себе дом, но совсем не в тех местах, которые хоть сколько-нибудь мне знакомы. Стоял 2012 год, цены на недвижимость в Сиэтле и окрестностях были ниже, чем когда-либо за последние десять лет, — одним словом, лучшее время вложиться. Но для меня и это было слишком дорого.

Есть жизнь и за пределами Сиэтла. Сидя у монитора, я все дальше и дальше прокручивал карту, пока не находил варианты в рамках своих «финансовых возможностей». Варианты эти были далеко от города, от его суеты и ярких огней. Они притулились среди пашен и речных долин, и еще дальше, у подножия Каскадных гор. Многие и домами-то назвать сложно — это были скорее хижины, избушки.

Вообще-то, я и сам вырос в лесу — часах в полутора езды к югу от Сиэтла. Мое детство прошло среди пихт и тсуг, папоротников и кустов ежевики, я провел его на пару с нашим псом Мадом: этот шоколадный лабрадор был большим любителем таких деликатесов, как палки и оленье дерьмо. Долгие летние дни мы вместе с друзьями, позаимствовав отцовские ржавые инструменты, строили дома на деревьях. Закончив, забивались внутрь и сидели там часами, обмениваясь грязными словечками, рыгая и поглощая чипсы и теплую газировку. Ностальгия по тем временам охватила меня, пока я листал снимки домиков на сайте с недвижимостью. Я все еще скучал по лесу, несмотря на то что частенько выбирался в летние походы. Конечно, что-то вроде дачи могло

бы стать атрибутом достойной жизни, который я искал, но когда мне повстречались эти лачужки, желание обладать жилплощадью помножилось на мечту снова испытать это волшебное чувство, когда ты делишь уют с друзьями в окружении деревьев и, может, время от времени кто-то из вас машет топором.

Как бы то ни было, имелась проблема. Хоть такие хижинны и были мне по карману, я не мог позволить себе одновременно еще и место для жизни в городе. Сбежать в лесное логово мне хотелось. Стать отшельником на полную ставку — все-таки нет. Но я продолжал искать, разглядывая деревянные конструкции в заснеженных горах и пуская слюни на миленькие домики у рек и озер. Уже на автомате я доставал ноутбук или телефон — едва открыв глаза, в перерывах на работе и ночами, когда не мог уснуть. Так продолжалось месяцами.

До той самой сентябрьской ночи в 2013-м. Я проверял на сайте, где люди продают и покупают все подряд, не выставлена ли на продажу вещь, которую недавно выкрали из нашего дома. Не добившись успеха, я вернулся к строке поиска и по наитию вбил слово «хижина». Нажал *enter*. Я ощущал азарт пятиклассника, который гуглит «сиськи». Эффект был точно такой же.

Мой взгляд зацепился за верхний результат: «Крохотная хижина в Индексе».

Я знал это место. Скорее поселок, чем город, Индекс стоял среди убийственно красивых гор и обладал тремя точками притяжения: занюханной лавкой, ассортимент которой — серые от пыли банки с бобами и устаревшее походное снаряжение, — кажется, никогда не менялся, небольшое кафе с неоновой вывеской «Открыто», которое всегда закрыто, и агентство, организующее сплавы на рафтах по реке Скайкомиш. Кроме того, там были пожарная часть, где работали

добровольцы, горстка домишек, школа и ветхая гостиница: какими бы грандиозными ни были планы владельцев, сменяющихся один за другим десятки лет, она всегда пустовала. Я бывал в Индексе — ненадолго задерживался перед походом, пользуясь шансом дешево закупиться пивом и льдом перед тем, как уйти дальше в горы.

Но мое внимание привлекло не знакомое название, а цена и фотографии: примитивный крошечный домишко на фоне покрытых мхом деревьев. Честно говоря, он больше походил на курятник: метра три на три с половиной. Я знал людей, у которых сараи были больше. Что касается конструкции, то неизвестный зодчий явно вдохновлялся рисунками дошколят: дом-квадратик, на нем крыша-треугольник. Земля вокруг хижины казалась ярко-зеленой — так она заросла папоротником — с редкими алыми и золотыми кляксами: первые дни осени окрасили и проредили кроны крепких кленов, склонившихся над участком. Запрятанная в лесной глуши лачужка так и ждала, чтобы кто-то устроился в ней поуютнее, разжег огонь, сделал хороший глоток виски и замер, ощущая вращение земного шара под ногами. Стоило это удовольствие как подержанный «Хёндэ» — 7500 долларов.

Недолго думая, я написал владельцу как можно более беззаботно и совсем не взволнованно, чтобы уточнить детали и доступное для просмотра время. На следующий день пришел ответ в столь же будничном тоне: *«Да, без проблем. Ключ над дверью. Четвертый участок по левой стороне тупика Надежды».*

Владельца звали Тони, судьба дома волновала его не больше, чем глобальное потепление — собаку. Я сообщил, что *может*, загляну, если найду время. Ему не обязательно было знать, что уже через двадцать минут я, ерзая от нетерпения, мчался на северо-восток, стараясь успеть покинуть границы Сиэтла до того, как трассу забьют трудяги, едущие с работы.

К трем часам дня я вырулил на Вторую магистраль — двухполосное шоссе, ведущее с запада на восток вдоль Скайкомиш, от Каскадных гор к заливу Пьюджет-Саунд.

Зимой здесь всегда пробки: желающие прокатиться по свежему снегу лыжники едут на курорт у перевала Стивенс. Летом тоже заторы: походники спешат вырваться на выходные из мирской суеты. Кроме того, в любой сезон здесь не прекращается движение из Сиэтла в Ливенворт — когда-то безумно красивый городок в горах, сейчас перестроенный в нелепое подобие баварской деревушки, где можно угоститься пивом и брецелями с конской наценкой. Никак не пойму, почему это место стало таким популярным.

Я ехал все дальше на восток, и пейзаж стремительно менялся: сетевые кафе и шумные перекрестки уступили место одноэтажной застройке, а та — холмистым пашням. Вот и пенсионеры в резиновых сапогах до колен забрасывают удочки: это спустя час шоссе подошло к берегу Скайкомиш. Я проехал Салтэн, Стартап и Голдбар — троицу городишек, которые было легко спутать между собой. С прошлых поездок я помнил, что в Салтэне есть местечко, где неприлично дешево можно взять коричную булку размером с колесо и большой кофе, что в Стартап можно заехать за вкуснейшим молочным коктейлем и картошкой и что клуб «Старатель» в Голдбаре по четным числам превращается в безумные ясли из-за караоке-вечеров для детей.

Я воображал, как буду жить, заглядывая за чем-нибудь к людям, которые держат небольшое семейное дельце. Покупать гвозди на развес в скобяной лавке — как мой отец, когда я был маленьким. Заныривать в крошечное — всего комнатка — отделение почты, чтобы разослать письма семье и друзьям, если решу задержаться здесь подольше. Проезжая рафтинговую базу, из тех, что возят туристов вверх по реке на дряхлых катерах, я впился взглядом в табличку «Новый

сезон! Набираем инструкторов! Всему научим!» и, конечно, сразу представил себя сезонным инструктором по рафтингу. Я еще даже не осмотрел хижину, а уже выстроил вокруг нее всю свою новую жизнь.

За Голдбаром следовал Индекс, однако не сразу — у него еще было что-то вроде прелюдии. На ту пару миль, что их разделяли, дорога сузилась. Пропали фермы и жилые дома — ни квартирки, ни комнатки. Вокруг — ничего, только густая чаща пихт и кедров. Голдбар заканчивался длинным мостом через Скайкомиш, которая здесь уже не была такой широкой и спокойной. Она завораживающе синела под солнцем, переливаясь от глубокого кобальта к бирюзе, и разбивалась в белоснежную пену на гранитных порогах размером с фургон. Дальше дорога запетляла, вторя течению реки. На каждом повороте мелькали склоны горы Индекс, чей пик — высотой почти две тысячи метров! — нависал над лесом.

Вторая магистраль очень опасна. Насколько я знаю, это единственная трасса в штате Вашингтон, где установлена табличка, отсчитывающая дни без аварий со смертельным исходом. За десять лет, что я здесь езжу, ни разу не видел на ней число больше двадцати пяти. Табличка стояла прямо у выезда из Индекса, и мне иногда казалось, что причина аварий не в гололеде и не в неразумном скоростном режиме (почти сто километров в час по скользкой горной дороге), а в завораживающей красоте этих мест. Подъезжая к городку, я инстинктивно подался вперед, облокотившись на руль, — лишь бы чуточку лучше рассмотреть гранитные склоны. Здешние горы будто обладали силой, притягивающей к себе людей прямо сквозь лобовое стекло.

Я не просто ехал по лесу, а погружался в него, и это было ужасно приятно. Воображение рисовало прелестные коттеджи и хижины, гармонично вписанные в окружающий ландшафт. Я даже заметил людей, рубивших дрова на зиму, — или

мне показалось? Может, где-то совсем рядом отец с сыном ловят форель в спокойной заводи или кто-то прогуливается с собакой, наслаждаясь прекрасным осенним днем.

Оставалось проехать всего ничего. Я свернул с шоссе направо, под колесами захрустел гравий, и моя душа запела. Я медленно проехал по грунтовке, петляющей вдоль реки. Самодельная арка на невысоком холме приглашала меня в «Риверсайт у горы Индекс».

За крутым поворотом дорога шла резко вниз, и я ударил по тормозам. Едва не столкнулся с чудищем: гигантским водопадом, изрыгаемым длинным узким каньоном, — ожившей сценой из Священного Писания. Позже я выяснил, что водопад Сансет-Фоллс падает с высоты всего тридцать два с небольшим метра, зато течет через уступ длиной с целое футбольное поле. Знаете, есть некое изящество в водопадах, в том, как вода срывается со скалы и, ничем не удерживаемая, летит вниз. Так вот, в Сансет-Фоллс не было ничего изящного. Это была чертова бойня, клокочущая водяная цитадель, возведенная не иначе как самим Посейдоном. Я опустил стекло и медленно двинулся по дороге, огибающей образованный водопадом бассейн. Водяная пыль влетала в салон и оседала на приборной панели. Она пахла кедром.

За водопадом дорога резко сворачивала на старый деревянный мост, проложенный над железной дорогой. Кажется, я почти на месте. Тони писал, что тупик Надежды сразу за мостом, но я не видел похожих названий. Вскоре я усомнился и в направлении, и в том, хочу ли я вообще тут оставаться.

До сих пор мне встречались просто нелепые строения да редкие хижины — ничего особенного. Потом началось что-то загадочное: то заросшие ежевикой груды ржавых запчастей у обочины и увязшие в грязи остатки машин, которыми не пользовались десятилетиями. За поворотом

открылась поляна с обугленными остовами фургонов. В ветках запутались обрывки полицейской ленты. Единственным объяснением этому было, что кто-то успешно варил здесь мет, пока не прогорел.

Яркими и новенькими выглядели только таблички «ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН», беспорядочно прилепленные к деревьям, остаткам оград и разбросанным железкам. Сложно сказать, что пугало сильнее: опасности, поджидающие за этими табличками, или люди, которых эти опасности могли бы привлечь.

Потом я узнал, что поселок Риверсайт состоит из пары сотен участков, в основном небольших, меньше половины акра. Возможно, когда-то здесь было пасторальное местечко, куда люди приезжали отдохнуть среди гор, но однажды здесь поселился Дядюшка Мет и натворил делов. Теперь в поселке осталось два типа построек: заваленные мусором наркопритоны и все остальное. Судя по неуклюже оформленным лужайкам, «все остальное» принадлежало престарелым пенсионерам и безумным лыжникам. Я проехал до конца дороги и, сделав круг, вернулся назад. Ни один из виденных мной указателей не содержал слов «тупик Надежды». Я заглянул в телефон, который был вне зоны с момента съезда с шоссе, и перепроверил маршрут — никаких зацепок. Никто меня не встречал, стучаться в двери здешних хибар тоже не хотелось. Выход был один: вернуться и попросить Тони объяснить дорогу чуть конкретнее, ну или вовсе плюнуть на эту затею.

На обратном пути я увидел остатки прежде не замеченного мной зеленого указателя — он накренился и врос в ствол клена. Можно было разобрать буквы: «...ежды». Все остальные были замурованы в коре, которой обросла табличка, остававшаяся в таком положении не один десяток лет. Еще немного — и клен довершит процесс переименования

улучки, поглотив все буквы. Понадеявшись, что имеется в виду действительно тупик Надежды, а не какой-нибудь там конец Невежды, я на автомате включил поворотник (для кого?) и свернул влево, высматривая четвертую по порядку постройку: считать ли школьный автобус на углу, если он покрыт граффити и зарос сорняками?

Тупик Надежды круто поднимался на холм. Полоса заброшек доходила и сюда, но все же чувствовалось легкое различие. Здешние домики были крохотными хижинами, в большинстве своем самыми примитивными, сколоченными скорее приехавшими на выходные энтузиастами, нежели приглашенными строителями. Они напоминали образцы срубов на продажу, которыми обычно усеяны парковки у «Хоум Депо» или «Костко», но казались душевнее: то тут, то там из кедровой черепицы высовывается труба, подмигивают разноцветные витражные окошки, а со стоптанного порога открывается вид на реку и горы. По заросшим въездам и канавам было понятно, что заезжают сюда нечасто, но эти домики все равно казались обжитыми. Не укрытия беженцев и не бараки — скорее лесные приюты, куда любят время от времени вернуться, хотя на первый взгляд по ним и не скажешь.

Я перевалил через вершину холма и обнаружил третью хижину. Сразу за ней, чуть левее, виднелась крыша из гофрированного железа, венчавшая крошечный домишко, в покрывале из высохшего мха и красных кленовых листьев. Я припарковался посередине дороги у чего-то, отдаленно напоминающего въезд, — слегка подсохшей ямы с грязью и кустами морошки по краям. Заглушив мотор, я выбрался из машины и двинулся к своей цели.

Предвкушение часто недооценивают. Это момент, когда открыты все возможности и остается надеяться, что случится лучшая из них. Для меня предвкушение часто оказывалось

ярче самого события, будь то путешествие или первое свидание. Я стоял, смакуя образы грядущих выходных с друзьями, прохладных осенних дней, когда жжешь старые листья на лужайке, и долгих летних ночей на речке; камина зимой, сугробов, оленей, медведей, пива, дыма, огня, дров, пота, слез и смеха. Целая жизнь успела пронестись перед моими глазами, а я ведь даже еще не зашел внутрь. Я проверил телефон, который, как оказалось, сам себя перевел в экстренный режим, — видимо, на случай прохладного приема. Но зона, где хотелось вызвать 911, осталась у подножия холма: здесь было довольно мило, так что я убрал телефон в карман и по куче поломанных досок, предприимчиво превращенных в переправу, пересек болото между дорогой и хижинкой.

На деле хижина оказалась больше. Крыша с крутыми скатами проржавела, но выглядела крепкой. Часть стен была отделана аккуратно уложенными кедровыми планками, часть — дешевыми фасадными панелями с узором, который неумело имитировал фактуру настоящего дерева. Окна выглядели почти новыми, но в остальном хижина была собранием случайных деталей. Спереди проглядывал каркас здания, будто ждущий облицовки, временной заменой которой служили листы ветхой фанеры. На небольшом выступе над единственной дверью, за толстым слоем паутины я нащупал ключ. Любопытно, что на двери был не дешевый замок, а два тяжелых засова. Ключ легко справился с обоими, и дверь приотворилась, но не распахнулась.

Преодолев где-то треть пути, нижний край застрял, демонстрируя, что что-то перекошено: либо дверь, либо пол, либо и то и другое. В хижине пахло хорошим виски — влажной землей и подгнившим деревом, — не лучшее открытие для того, кто надеется, что внутри будет сухо. Несмотря на три окна, света было мало. Пол застелен грязной фанерой, в углу — обрывок еще более грязного линолеума. На стены